

Марина и Сергей Дяченко

Осот

*Часть сборника
Уехал славный рыцарь мой
(сборник)*

Марина и Сергей Дяченко

Осот

«Автор»

2006

Дяченко М.

Осот / М. Дяченко — «Автор», 2006

Больше двадцати лет не был Осот дома. И вот он вернулся... За это время изменилось многое... Вместо тракта построили железную дорогу, ведь на поезде под парусами ехать намного быстрее. В Холмовом лесу теперь живут дикие мясоеды и ходить туда местным опасно. Да, многое изменилось после Нашествия, что там говорить... Осот вернулся домой. И прошлое встретило его. Прошлое, в котором веснары дорого отдавали свою землю...

© Дяченко М., 2006

© Автор, 2006

Марина и Сергей Дяченко

Осот

К полудню ветер опять посвежел, и дальше поезд шел на всех парусах и почти без остановок. Земледелец, мой сосед, дремал на скамейке напротив. Я смотрел в окно – не отрываясь, час за часом.

Солнце склонялось. На вывесках полустанков мелькали знакомые названия, я смотрел – и ничего не узнавал. Передо мной расстилалась моя страна, моя Цветущая, равнины сменялись холмами, леса – открытыми пространствами, но ни один пейзаж, ни одна живописная балка или холм, поросший колючим кустарником, не заставляли мое сердце забиться сильнее.

За те двадцать с лишним лет, что прошли со дня моего отъезда, – все изменилось. Совсем. Безвозвратно.

Кое-где в траве паслись стада нелюдей. Четвероногие, крупные, покрытые черной и рыжей шерстью, эти твари срывали зубами траву, жевали и смотрели вслед поезду круглыми, ничего не выражающими глазами. Все изменилось в Цветущей. Все изменилось...

Прошел кондуктор, объявляя, что Светлые Холмы – через полчаса. Я снял с багажной полки свой заплечный мешок, попрощался с фермером и поднялся на крышу.

Дорога впереди поворачивала по широкой дуге, команда готовилась выполнить маневр. Я смотрел, как убирают паруса по правому борту, как складывают главное несущее полотно; мне не так часто доводилось путешествовать на поезде. А столь далеко – вообще никогда.

Поезд повернул. Через несколько минут я увидел впереди станцию – Светлые Холмы, в этом не было сомнений. Замедляя движение, поезд миновал впадину между двумя пригорками. Оглушительно свистнул кондуктор. Я дождался, пока подножка поравняется с дощатым перроном, и спрыгнул.

Я был единственным пассажиром, который сошел в Холмах. Мое место на поезде тут же было занято: пробежав с десяток шагов вдоль платформы, на верхнюю палубу вскочил мальчишка лет пятнадцати. Он был одет по-крестьянски, на плече у него болталась котомка, и способ, каким он забрался на поезд, выдавал привычного и умелого путешественника.

Кондуктор подал знак капитану. Тот свистнул матросам, и через минуту несущее полотно развернулось опять. Я смотрел, как парус наполняется ветром; мальчишка, замерев на верхней палубе, смотрел тоже. Потом обернулся ко мне и вдруг, скорчив рожу, выбросил, как флаг, непомерно длинный язык: видимо, его приводило в восторг, что догнать и надрать уши я уже не сумею...

Я улыбнулся.

Поезд катился, все ускоряясь, по направлению к Дальним Углам и наконец скрылся за холмами. Я стоял на перроне, маленьком, безлюдном. На вывеске крупными черными буквами значилось йолльское название: «Фатинмер». И ниже на языке Цветущей: «Светлые Холмы».

Двадцать три года назад здесь не было никакой станции. Не было железной дороги. Был тракт. Был обоз – череда двуколок на огромных колесах, каждую из которых катили по четыре человека. Были путники, молча идущие рядом. Мне, семилетнему, иногда разрешали держаться за чей-то пояс... И я шагал, едва переступая ногами, спасаясь от смерти.

Сегодня я вернулся. И – руку готов положить на рельсы – меня теперь невозможно узнать.

Вниз с перрона вела хлипкая лестница, скрипевшая при каждом шаге. Я спустился; человек, сидевший в будочке смотрителя, был мне совершенно незнаком.

– В Холмы, добрый путешественник? Надолго? Ищите хорошую гостиницу, совсем хорошую, недорогую?

Он даже не спросил, бывал ли я раньше в Холмах. По лицу видно: не бывал. Мне даже играть ничего не приходилось – я чувствовал себя чужаком. «Добрый путешественником».

– Вы меня очень обяжете, – сказал я зрителю.

Он с готовностью вытащил из конторки стопку темных бумажных квадратов.

– Гостиница «Фатинмер», в центре... Отдадите вот это хозяйке – получите скидку.

Я принял бумажку у него из рук. Меня неприятно поразило название гостиницы. Что, наши уже и между собой называют предметы йолльскими кличками?

Зритель ничего не заметил. То ли я так хорошо научился владеть собой за годы городской жизни. То ли он, обалдевший от станционной скуки, потерял остатки наблюдательности.

– Прямо по дороге, добрый господин, на распутье налево: до темноты, глядишь, и дойдете...

Я поблагодарил его.

Вечерело. Трава переливалась, освещенная низким солнцем, и это была не та трава. Не такая, не ее я помнил с детства. А может быть, мне казалось, что помню.

Я шел по Холмистому Тракту. Вокруг не было ни души. В дорожной пыли кое-где явственно виднелись отпечатки подков. Нелюдей обувают железом, говорил когда-то мой дед. Тогда и слова-то такого не было – «подковы»...

По-йолльски – олф.

Дорога поднялась на пригорок. Сделались видны поля на много верст вокруг. На северо-востоке показался Холмовый лес – тоже неузнаваемый. Еще бы: его и жгли, и рубили, и прореживали. Мы с дедом почти полгода жили в Холмовом, оттуда нас не могли ни выбить, ни выкурить... Теперь на пепелище пробился молодой подлесок, издали лес казался светлым и зеленым. А на опушке, на склоне холма, маячил тяжелый каменный дом. Я присмотрелся.

Йолльское строение. Три или четыре этажа. Дом замер на опушке у самого леса, как грузный путник, идущий в гору. Над крышей дымок. И еще один толстый дым – над приземистым строением, едва заметным из-за каменного забора. У мясоедов считается, что чем дальше от жилых помещений расположена кухня – тем богаче хозяин дома. На родине у них, говорят, ужасная теснотища...

Я тряхнул головой и ускорил шаг. Время дорого. Я путешественник, прибыл в Холмы исключительно по делу и уеду сразу же, как только управлюсь. Что мне ждать, столичной штучке, в этой богом забытой глуши?

Дорога опустилась в низину. На склонах холмов зеленели, розовели, золотились поля, засаженные разными злаками. Цепью, как тушители на пожаре, стояли молодые березы, удерживали корнями нарождающийся овраг. Я вздохнул: раньше надо было высаживать, теперь сползающую почву не удержишь...

Когда дорога снова поднялась на холм, я увидел впереди двух всадников. Дед называл таких «нелюдь под нелюдь». Громоздко получалось. По-йолльски – офорл.

Помню, при виде этих существ я бросался бежать, как ошпаренный, дед хватал меня за шиворот, уговаривал, хлестал по щекам, убеждал, что бояться нечего, все равно мы сильнее...

Теперь я даже с шага не сбился. Двадцать три года прошло.

Я ждал, что они проедут мимо, не обратив на меня внимания, но они заинтересовались. Первому было лет сорок, судя по одежде и осанке – владетельный вельможа. Второй...

Второй был маг. У меня подобрался живот: йолльские маги легко распознают ложь и убивают без раздумий.

Всадники придержали четвероногих нелюдей. Прямо перед моим лицом оказались две огромные, длинные, покрытые шерстью морды. Я тоже остановился.

– Кто таков? – спросил вельможа по-йолльски.

– Путешественник. Иду в Холмы по своим делам, – ответил я на языке Цветущей.

– Говори по-человечески, растение, – тихо проговорил маг.

Он недавно прибыл на остров. Я видывал таких в городе: у них очень бледные лица и нутряная ненависть ко всему, что осталось в Цветущей не-йолльского.

– Что за дела у тебя в Фатинмере? – продолжал вельможа, не обращая на спутника внимания. – И почему не кланяешься барону?

Я поклонился. Если этот мясоед в самом деле барон – мне не стоило раздражать его. Он в своем праве.

Четвероногая нелюдь под магом косилась на меня огромным глазом. Я отступил на несколько шагов.

– У меня, господин барон, торговое дело. Мне поручили купить здесь, в Холмах, дом, – я по-прежнему говорил на родном языке. Не лгал напрямую, но утаивал правду. Скажи я то же самое на языке йолльцев – маг почти наверняка заметил бы подвох.

– Кто поручил? – спросил барон по-йолльски.

– Торговая контора «Фолс», у меня при себе верительные грамоты...

Я сделал движение, собираясь раскрыть свой мешок и вытащить бумагу. Маг вскинул правую руку. Я замер.

– Оставь его в покое, – сказал барон спутнику. – Он в самом деле идет по своим делам... Оставь!

Маг опустил руку, не сводя с меня глаз. На указательном пальце его правой руки мерцало стальное кольцо с перламутровыми пластинами.

Барон сдвинул свою нелюдь коленями, давая приказ двигаться дальше. Маг смерил меня взглядом с ног до головы – и последовал за вельможей. Мне предстояло продолжать путь по дороге, загаженной дерьмом нелюдей.

Цветущая моя, Цветущая, что с тобой случилось?!

* * *

Я не стал останавливаться в гостинице «Фатинмер». Прошел еще два квартала и отыскал постоянный двор без названия, зато с йолльской лицензией, приколоченной к двери огромным ржавым гвоздем. Лицензия белела в полумраке, то приподнимая, то опуская уголок в согласии с налетавшим ветерком. В жесте трактирщика, приколотившего йолльский документ к дверям, было столько великолепного пренебрежения, что я не удержался и вошел.

Мне была предложена комната, маленькая и чистая, и ужин. Глядя, как поднимается пар над семикрупкой – традиционной кашей, кулинарной гордостью Семи Холмов, – я слушал осторожные рассказы жены трактирщика о новостях в округе. Хотя, если по совести, говорила женщина, нет новостей. Работают люди, с утра до ночи в поле – разве это новость? Торгуют опять же, трактир хоть и не процветает, но и с голоду умереть не дает. Один завелся, из города приехал, мясную лавку открыл. Да прогорел: нет покупателей. У барона поставщики свои, он к мужику торговаться не пойдет. Вот он покрутился здесь неделю-другую, мясо нелюдей стухло, он и уехал. Лавка до сих пор пустая стоит: провоняла так, что никто туда идти не хочет. А удобная лавка, на перекрестке... Месяц назад толстого Крутика, которого поле с краю, ограбили: вломились в дом, нашли под полом сундучок со сбережениями и унесли среди бела дня. Оказалось, какой-то бродяга из Заводи, на другой же день его и поймали... Вот и все новости, добрый путешественник, а вы в Холмы с чем?

Она была круглолицая, как подсолнух. Букет свежих «солнечных цветов» стоял, как полагается, в парадном углу, и орнамент на потолке, если присмотреться, был тоже из подсолнухов. Старый орнамент, нанесенный еще до нашествия.

Я подумал, что вполне мог ее знать когда-то. Но как не узнавал я родного селенья – и эту женщину не мог вспомнить. Она была мне чужая.

– Я торговец из самого Некрая, – сказал я. – Буду покупать – не для себя, для клиента – дом Осотов.

– Дом Осотов, – повторила она, как эхо. Ее взгляд стал отстраненным. – Да. Старуха Осот помирает... да.

И она отошла, оставив меня наедине с кашей. Я погрузил деревянную ложку в густую, отлично выдержанную, политую маслом семикрупку – вкус моего детства; я понял, что волнуясь. Что мое спокойствие, отстраненное, как эта трактирщица, готово разлететься шелухой.

Вошел хозяин – крупный, круглый, поросший изжелта-русой бородой, и с ним слуга, носатый парень лет пятнадцати. Сразу стало шумно. Хозяин громко давал указания жене и мальчишке, и непонятно было, доволен он или зол, хвалит или распекает. Накричавшись, он вдруг обернулся и спросил, уставившись мне в глаза безмятежно-голубыми гляделками:

– А вы, добрый путник, торговать к нам? Или как?

– Не так чтобы торговать, – признался я. – Но что дела торговые, это точно.

– Господин дом Осотов покупает, – тихо сказала жена трактирщика.

– Дом Осотов?

Трактирщик мигнул. Перевел взгляд с моего лица на руки и обратно. Отвернулся. Покачал головой, будто отвечая сам себе на только что заданный вопрос.

– Да, – сказал я, глядя, как он расчесывает бороду длинными цепкими пальцами. – Не для себя. Для клиента. Контора «Фолс», если вы слышали.

– Где уж нам, – пробормотал хозяин. – Некрай, Городская контора... Я и в городе-то не бывал, не доводилось... А вы, господин, бывали в Холмах?

– Никогда, – я зачерпнул кашу ложкой.

– Дом Осотов, – еще раз повторил трактирщик. – Вот же, прошли те времена... Самая богатая и уважаемая семья во всех Холмах – до нашествия, разумеется.

– Мне говорили.

Хозяин снова заглянул мне в глаза – на этот раз почти заискивающе.

– Простите за нескромный вопрос... Мы здесь, знаете, люди без предрассудков, не дикари какие-нибудь, горожан тоже принимали... Может быть, вы мясо едите? Так у нас есть йольский мясник в Холмах. Для самого барона поставки, а не просто так...

– Нет, – я взялся за душистую ковригу хлеба. – Мяса я не ем.

– Ох, извините, – трактирщик смутился, – у нас тут разные люди бывают... А вы если в первый раз, так и поживите подольше. Места прекрасные, сердце Цветущей... В Холмовый лес только не ходите, там мясоеды развели своих нелюдей. Не тех, что траву жуют, а других, тоже мясоедов. Барон туда ездит охотиться – стрелять этих тварей, то есть. А нам и не сунься – ни за ягодой, ни за грибами... Так не ходите в Холмовый лес, ладно?

Я пожал плечами:

– Мне-то что... Я уеду послезавтра. Самое позднее – через три дня.

Хозяин покивал и вышел. Семикрупка на столе остывала.

Я нервничал. Мне все труднее было сохранять внешнюю невозмутимость.

* * *

Всю ночь я провел, наблюдая за лунным лучом, ползущим по гладкому деревянному потолку. Иногда луч двигался рывками: я проваливался в сон и просыпался опять.

С рассветом луч погас. Я встал и умылся. Мне не хотелось есть, я не чувствовал усталости после почти бессонной ночи. Я знал, что сегодня – через час, через два – попаду домой и увижу бабушку. И мне было страшно.

Я запомнил ее крепкой женщиной с едва поседевшими висками. Теперь – я знал это точно – она старуха, настолько дряхлая, чтобы умереть. Поэтому я здесь; поэтому я вернулся в Холмы, хотя когда-то с меня брали клятву никогда не возвращаться.

Ей же, бабушке, я и клялся.

Я спустился вниз. Хозяин, уже полностью одетый и бодрый, вел какие-то подсчеты на желтоватом свитке древесной коры. Я поздоровался; в какой-то момент мне показалось, что уж его-то, бородатого и грузного, я точно когда-то знал. Еще мгновение – и вспомню его имя...

Наваждение прошло. Хозяин водил по коре отточенной спицей, не обращая на меня внимания. Я спросил его, как найти дом Осотов.

– Идите вдоль по улице, потом через площадь Рынок, у старого цветка поверните направо и дальше все прямо. Там увидите. Приметный дом.

Я поблагодарил.

Было все еще очень рано, но на улицах с каждой минутой прибавлялось народу. Я бродил без цели, разглядывая новостройки, поднявшиеся на месте сожженных, разрушенных или просто снесенных старых домов. В Холмах жили небедно: кое-где даже строили, на манер йолльцев, из камня. Фоона – по-йолльски дом, каменный дом, деревянных они не признают.

На площади, конечно, и следа не осталось тех ветхих прилавков, перед которыми я когда-то тянулся на цыпочки. Торговые ряды стояли, сложенные из каменных плит, и были в этот час почти пусты. В центре базара восседал на огромном мешке баронский надзиратель, он же сборщик налогов; мешок был опоясан цепью с кованым гербом, такой же герб, только поменьше, помещался на круглом животе надзирателя. Сам он был из местных; прохожие здоровались с ним без теплоты, но и без откровенного презрения. Я остановился возле пивных бочек, взял себе кружечку светлого и завел неторопливый разговор с пивоваром.

Да, с бароном поселку повезло. Сам живет и другим жить позволяет. Отдали ему луг заливной – нелюдей выпасать, дом сложили, ну, налог со сделки, ну, оброк раз в год. Зато за службу, значит, за услужение барон платит денежкой; вот даже присматривать за нелюдью кое-кто пошел, кто посмелее. К мясоедским своим привычкам не принуждает, а что все бумаги надо писать по-йолльски – так на то писарь есть. Хороший барон, грех жаловаться, одна у него слабость: по женской части очень уж ловок. Правда, и девки наши тоже хороши: лишь бы в каменный дом, да на мягком поспать, да подарочек получить такой, чтобы подружки обзавидовались. А корни – что корням? Человеческие корни невидимы: с гнильцой они или чистые, по лицу ведь не скажешь. Нет, не такие нынче девки, как раньше. Зато барон хороший в Холмах, а в других землях куда как хуже бароны: мясоеды те еще и кровопийцы.

Пивовара отвлекли: хозяйка гостиницы «Фатинмер» прислала слугу за пятью бочонками темного. Я отошел, чтобы не мешать погрузке, и почти сразу увидел, как через площадь – от противоположного ее края к центру – движется, плывя над головами, офорл, то есть всадник. Йолльский маг.

Люди перед ним расступались, вокруг ширилось свободное пространство. Маг ехал, опустив поводья, поглядывая по сторонам с показным равнодушием. Остановился рядом с надзирателем, что-то сказал ему, не сходя с лошади. Надзиратель ответил – по-йолльски, судя по тому, как двигались его губы.

Я решил, что мне пора идти. Допил пиво, по широкой дуге обогнул площадь и от цветка – старинного каменного изваяния в виде большого подсолнуха – повернул направо.

* * *

Дом стоял по-прежнему. Как будто Цветущая никогда не горела, ее не топтали нелюди. Как будто семья Осотов, самая уважаемая, богатая, многочисленная семья во всех Светлых

Холмах, не исчезла с лица земли, оставив два последних ростка: старуху, застывшую на полпути к небесным корням, и чужака, не узнающего родного дома.

А я его не узнавал.

Краеугольный столб, увенчанный изображением Солнца (деревянный круг и крест на нем), стоял так же прямо, и тень от его верхушки падала на отметку «восемь» – было восемь часов утра. Над частоколом поднимался дом: каждое бревно в стене – в два обхвата. Темная крыша, резные украшения, балкон третьего этажа – полукруглый, ажурный. Сколько раз мне снился этот балкон...

Я остановился перед столбом, и моя собственная тень упала на поросший травой циферблат. Забыли мясоеды развалить этот дом, или боялись тронуть, или не знали всего, или, наоборот, слишком много знали, – теперь неважно. Вот он, дом Осотов.

Я отступил. Снова подошел. Потом, будто по наитию, опустился на одно колено. Прямо перед моим лицом оказались прожилки на дереве: кольцо, похожее на рожицу, и две светлые ленточки, ведущие вверх. В детстве именно так мне представлялись человек – и его невидимые корни.

Я поднял голову.

Угол зрения. Чтобы вспомнить, как все было, мне следовало встать на колени. Посмотреть с высоты своего прежнего роста. Дом. Частокол. Ворота. Улица, по которой мы с дедом уходили, бывало, и на рассвете, и поздно вечером, и...

– Добрый господин? Вы что-то уронили?

Служанка смотрела на меня, как на сумасшедшего. Я поднялся, отряхивая брюки; досадно. Мне нельзя привлекать внимания.

– Я потерял монету... Передайте, пожалуйста, хозяйке, что прибыл коммерсант из Некрая – по поводу продажи.

– Ах да! Ах да! – служанка засуетилась. – Проходите, любезный господин коммерсант.

* * *

Через несколько минут я вошел в ее комнату.

Бабушка лежала на огромной дубовой кровати, на льняных простынях, под балдахинном из грубого льна, и льняные же волосы сливались с постелью. Ее лицо, темное, ссохшееся, неприятно напомнило лица всех, умерших от дряхлости на моих глазах.

Я сделал несколько шагов – и остановился посреди комнаты.

Что-то говорила служанка. Бабушка, в отличие от меня, слушала ее – и слышала; повинаясь ее приказу, служанка принесла табурет, стопку белой бумаги и чернильницу с пером. Потом вышла и плотно притворила за собой дверь.

Бабушка лежала, откинувшись на высоких подушках, и смотрела на меня.

Ее голос, когда-то звучный и даже мощный, все еще служил ей. Она могла бы сказать, что не рассчитывала увидеть меня в этой жизни – только там, в небесном лесу, где сплетаются корни всех людей. Она могла бы признаться, что в ее памяти я навсегда останусь семилетним ребенком. Она могла бы рассказать, как одиноко и тоскливо было ей в старом доме Осотов, доме-замке, доме-крепости – без малого двадцать три года.

Все это не имело значения. А значит, не стоило нарушать тишину.

Я стоял перед бабушкой, посреди старой спальни Осотов, в которой был, наверное, зачат, и смотрел в ее зеленые, чуть поблекшие, но все еще ясные, полные мысли глаза.

Прошел, наверное, час, а может быть, больше, прежде чем бабушка опустила веки, указывая взглядом на табурет и стопку бумаги.

Я сел на пол. Придвинул к себе бумаги и, используя табурет вместо стола, принялся писать по-йолльски длинные, не имеющие силы, только для отвода глаз необходимые бумаги: контора «Фолс», договор купли-продажи, по согласованию сторон...

Бабушка смотрела, как я пишу. Я отводил со лба упавшие волосы, поглядывал на нее исподлобья: кровать была низкая, даже с пола я мог видеть ее темное лицо, будто плывущее в воздухе над льняными подушками.

Как над облаками.

Я закончил. Поставил последнюю точку. Отобрал бумаги, предназначенные бабушке, свернул их трубочкой и с поклоном положил к ее изножью.

Тогда она впервые разомкнула губы, обращаясь ко мне.

– Спасибо, Осот, – сказала она.

* * *

Мне кажется, она благодарила меня не за то, что я приехал. И даже не за то, что молчал. Я выжил; некоторые и этого не смогли. Другие осознанно предпочли умереть. А я, почти не имевший шансов, живу на земле, корнями в небо, – я, преуспевающий столичный коммерсант. Я, внук моего деда, говорящий по-йолльски без тени акцента.

Бабушка поблагодарила меня, и я ушел. Ей необходимо было побыть одной. Я вышел со двора и долго стоял, делая вид, что заинтересован устройством солнечных часов; мне тоже требовалось время, чтобы взять себя в руки. Дела мои в Холмах отнюдь не были закончены: если сделка, которую я фиктивно заключил в пользу несуществующего лица, служила ширмой для моего рискованного визита в Холмы, то баронский налог с продажи играл в этой ширме роль несущей конструкции.

Итак, я вернулся на площадь. Надзиратель все так же сидел на своем мешке, но верхового мага поблизости не было. Я подошел, назвал себя, предъявил бумаги и мешочек с деньгами. Надзиратель все тщательно перечел, пересчитал и наконец выдал мне документ об уплате налога – написанный по-йолльски с ужасными ошибками, но зато скрепленный баронской печатью.

Выйдя из поселка, я двинулся по тракту – но не к станции, а в противоположном направлении. На лугу вдоль ручья паслись нелюди. Я хотел пить – но к воде из ручья не притронулся. Из брезгливости.

Солнце стояло в зените. Я поднялся на пригорок, отошел от дороги и уселся среди колосьев – на меже двух полей. Молчаливая встреча с бабушкой отняла у меня больше сил, чем я ожидал. И мне страшно было представить, чего эта встреча стоила ей. Одну длинную минуту я был почти уверен, что бабушка умерла сразу же после моего ухода, и, вернувшись к дому Осотов, я обязательно увижу желтые ленты на полукруглом балконе – знак траура.

Но колосья шелестели, вцепившись корнями в пригорок, а небо – вместилище всех человеческих корней – безмолвствовало. И я, мало-помалу, справился и с отчаянием, и с тоской.

Я лег, вытянувшись, и заснул, как в детстве, – слушая звон колосьев.

* * *

Был поздний вечер, когда я вернулся в гостиницу. Ветер все так же покачивал лицензию на двери. В сенях пахло дымом, чуть подгоревшей кашей и еще чем-то – я никак не мог понять, что это за запах.

В обеденном зале было темно и тихо. Похоже, я по-прежнему оставался единственным постояльцем.

На столе горела свеча, в круге света лежали три коротких огарка. Я шагнул, протягивая руку, намереваясь взять один из них и осветить себе путь наверх.

– Стоять, *веснар!*

Я еще успел подумать, что слово «веснар» звучит одинаково и по-йолльски, и на языке Цветущей. Потом медленно, очень медленно повернул не голову даже – глазные яблоки.

Его кольцо, стальное с перламутром, мерцало, казалось, прямо перед моим носом. Хоть нас разделяли шагов пять, не меньше. Йолльский маг стоял в углу обеденного зала, готовый убивать, но почему-то медлил с ударом.

– Не вздумай, веснар. Стоять.

Он был новичком, этот маг. Ни один из тех, кто воевал с нами во время нашествия, не стал бы брать меня живьем. И уж конечно, не стал бы со мной разговаривать.

Я ждал. Моя жизнь подошла к концу – почти одновременно с жизнью бабушки. Судьбе было угодно, чтобы род Осотов прекратился сегодня – и навсегда.

– Руки за спину, – пролаял маг.

Я выполнил приказ. Мои руки тут же принялись вязать сзади – очень крепко и очень грубо. Маг подошел ближе, не опуская кольца. Я смотрел, как скачут по чеканке и перламутру синие злые искры.

– Убийца! – его голос дрогнул. – Ты ответишь.

Тут мне на голову накинута мешок, и я больше ничего не видел.

* * *

Меня выследили? Служанка подслушала, как бабушка назвала меня настоящим именем? Или йолльские маги теперь обладают могуществом, о котором прежде никто не подозревал?

Стук колес по тракту сменился хрустом гравия. Скрипнули, открываясь, ворота и лягнули, закрываясь. С головы моей наконец-то сняли мешок, я мигнул и огляделся.

Посреди двора горела бочка со смолой. В ее свете я разглядел баронский дом, сложенный из серого и черного камня. Дом стоял на крутом пригорке, с одной стороны у него было три этажа, с другой, вероятно, – два. Лес подступал совсем близко, я чувствовал его запах и видел сплошную черноту там, где начинались стволы.

Ограда вокруг дома была тоже из камня, и даже землю укрывали каменные плиты: на стыках между ними кое-где пробивалась трава. Оконца узкие и очень высокие. Сейчас, среди ночи, почти все они светились, будто накануне большого праздника. Я поднял голову: в окне второго этажа мелькнула тень...

И почти сразу оттуда вырвалась арбалетная стрела, целя мне в лоб.

Не поворачивая головы, почти не глядя, йолльский маг выбросил руку в сторону, и стрела разлетелась на куски. Звякнул о камни наконечник. Острая щепка клюнула меня в щеку. А кольцо, стальное с перламутром, опять смотрело мне в глаза, и сине-фиолетовые отблески только на миг потускнели.

– Что ты сделал! – глухо кричали в доме. – Притащил веснара живым... Прочь, все прочь! Кто хочет жить – уходим!

Лошадь, запряженная в повозку, нервно заржала, ударила подковой о камень, вышибая искры. Слуги, сопровождавшие меня от гостиницы к баронскому дому, жались друг к другу за спиной мага.

Я ждал.

– Вперед, – сказал маг. – В дом, растение.

Я вошел.

В йолльских строениях почти не бывает внутренних перегородок, только колонны, на которые опираются балки, да винтовые лестницы без перил. Сводчатый потолок баронской

гостиной был очень высок, в три человеческих роста. Вдоль стен горели факелы. В дальнем углу стоял мальчишка лет десяти, смотрел на меня круглыми глазами, обомлевший, будто в столбняке.

По внешней лестнице, пристроенной к дому снаружи, бухали сапоги: слуги и стражники отступали. Их начальник служил в Цветущей давно, еще со времен нашествия, и не желал участвовать в смертельной затее глупого мага.

Или он не так уж глуп?

Я присмотрелся. Дальше, за каменной спиралью винтовой лестницы, угадывались странные очертания – что-то грузное нависало, почти касаясь пола, в тяжелых складках не то сети, не то ткани.

– Подойди, веснар, – голос мага звенел, как будто он сдерживал смех. – Подойди и посмотри, убийца!

Я обогнул лестницу.

Это был старый гамак, привешенный к балкам на лохматых веревках. В гамаке лежал труп дряхлого старика. Желтоватая прозрачная кожа, обтянувшая череп и собравшаяся складками на щеках, редкие седые волосы, ввалившиеся черные губы – я вдруг вспомнил бабушку, мне сделалось горько и страшно.

И только потом, несколько мгновений спустя, я узнал лежащего. Вчера на закате я встретил его: тогда ему было лет сорок, он сидел в седле, гордо выпрямив спину, и велел магу оставить меня в покое, раз уж я иду в Холмы по своим делам.

Барон. Йолльский наместник в Светлых Холмах. Теперь ему было больше ста лет – по крайней мере, с виду.

Маг молчал. Его кольцо касалось моей шеи. Я чувствовал то жар его, то холод. Перед глазами метались огненные язычки: я медленно осознал, что произошло. Что это значит. Небесные корни, за миг до смерти я не знал, радоваться своему открытию – или пугаться...

Я повернул голову. У мага были совершенно безумные глаза. Мне снова показалось, что он вот-вот рассмеется. Или разрыдается. Или даст наконец волю своему кольцу; я снова подумал о бабушке. Хорошо, если она уже умерла и не узнает, как я распорядился этим несчастным сокровищем – жизнью последнего Осота.

Горели факелы. В их неровном свете мы с магом глядели друг на друга; я был уверен, что мой взгляд ничего не выражает, но йолльские маги проницательны.

Он дернул кадыком:

– Барона убил веснар!

Я не спорил.

– Ты!

Я промолчал.

– Ты его убил? – спросил он отрывисто.

Могущество йолльских магов заключается прежде всего в том, что им невозможно врать.

– Нет.

Он был потрясен. Я заметил это по глазам. Но, даже сбитый с толку, соображал он быстро.

– Ты хочешь сказать, что здесь рядом... еще один... такой же?

– Это Цветущая, мясоед, – сказал я со скрытым торжеством. – Что ты хотел здесь найти?

Он захлебнулся яростью. Нашей с ним жизни оставалось – несколько мгновений.

– Я убью тебя.

– Я знаю, – я мельком взглянул на дряхлое, мертвое лицо барона. В детстве такие лица преследовали меня в кошмарах. – Знай и ты: ни один веснар не умирает мгновенно. И связывать меня бесполезно. Для моего дела мне не нужны ни руки, ни глаза.

Его зрачки расширились. Кольцо на пальце вспыхнуло ослепительно-фиолетовым светом. Йолльский маг чувствовал западню, но все еще не верил.

– Я думал, ты выследил меня, – проговорил я медленно. – Я думал, ты знаешь мое имя... Но тебе просто повезло, мясоед. Вернее – тебе ужасно не повезло. Посмотри на барона – это и твоя судьба тоже.

Мальчишка, стоявший у стены, наконец-то вышел из столбняка и кинулся бежать, поскользываясь на покрытом соломой полу. Маг смотрел на меня – в его глазах отражался свет факелов.

– У тебя был шанс напасть внезапно, мясоед, – сказал я. – Оглушить. Или убить во сне. Ты этого не сделал.

Он молчал. Мы были связаны, как веревкой, смертью о двух концах: если ударит один, тут же ответит и второй; йольские маги тоже не умирают мгновенно. Во всем доме, в огромном каменном доме сейчас не было ни души: слуги и стража разбежались. Только где-то под самой крышей тяжело дышал, забившись в укрытие, мальчик.

Мы смотрели друг на друга. Сейчас, именно в эту минуту, маг во всей полноте осознал свою ошибку – и увидел будущую судьбу.

...Они не люди, говорил тогда дед. Запомни, Осот, они все – нелюди.

* * *

– Вставай, Осот. Вставай.

– Деда, но ведь ночь... Совсем темно... Завтра у меня уроки...

– Не завтра, а сегодня. И не уроки, а война. Вставай, Осот!

Мальчик тер глаза кулаками, сутулился и судорожно зевал. Ему было семь лет, светлорусые волосы торчали, как колючки репейника. Двух зубов не доставало.

– Деда... Их будет много?

– Очень много, – жестко сказал мужчина лет пятидесяти, протягивая мальчику полотняную куртку со шнурками-завязками. – Сколько бы ни было – они наши, Осот. Мы будем ждать их под лесом... Если успеют, подойдут еще Усач и Ягода.

– Как это – если успеют?!

Мужчина не ответил.

Над Холмовым лесом висела луна. Каждый дом, каждый куст отбрасывал длинную черную тень. Поселок не спал: в каждом доме, за закрытыми ставнями, что-то происходило, мальчику слышались приглушенные голоса и плач. Держась за руку мужчины, он шел, почти бежал в гору, деревянные подошвы скользили по росистой траве, штаны вымокли до колен.

– Стой...

Мальчик огляделся.

За спиной лежал поселок – тихий, без единого огонька. Слева темнел лес, уходил все выше и сливался с небом. Справа, внизу, тянулся тракт, залитый луной, а впереди, в полном безветрии, стояли под лунным светом поля с высоченной, почти созревшей рожью.

Мужчина лег и приложил ухо к земле. Мальчик дрожал, щелкая зубами, смотрел вперед – но видел только рожь на вершинах ближайших холмов.

– Они близко, – мужчина резко поднялся. – Я возьму слева, от леса, а ты справа, от тракта... Усач!

Мальчик обернулся. По склону холма бежал, пригибаясь, человек. Через минуту он уже стоял рядом, тяжело дыша, вытирая молодое безусое лицо.

– Ягода не придет, – сказал он вместо приветствия. – Я сам еле успел...

Задрожала земля. Даже сквозь толстые деревянные подошвы мальчик слышал, как она содрогается.

– Я возьму от леса, – сказал его дед. – Малой от дороги, ты, Усач, будь в центре.

– С чего ты взял, что они пойдут здесь? – безусый Усач все еще задыхался. – Что не перевалят холмы южнее?

– Нелюдь под нелюдью, – тихо сказал мужчина. – Там, на юге, слишком крутые холмы... для этих тварей.

Мальчик смотрел на далекие поля. Вся его кожа сделалась колючей и жесткой, как эта рожь, светлые волосы встали дыбом. Ухо различало глухой топот, порождавший сотрясение земли.

Над темным горизонтом медленно поднимались головы, тысячи голов. Выше, намного выше роста обычного человека. А под ними – мальчик на миг зажмурился – второй ряд голов. Нечеловеческих, огромных, длинных. На таком расстоянии, да еще в темноте, невозможно было различить глаз и лиц. Но мальчик видел их раньше – и стоял, оцепенев, широко открыв глаза и рот.

Тяжелая рука деда опустилась на плечи, заставила лечь. Рядом лежал в помятой ржи Усач – бормотал себе под нос и ругался, но мальчик его не слышал. Земля Цветущей, к которой он прижимался теперь всем телом, дрожала под ним, будто от страха.

Он обхватил ее обеими руками.

– Идите, – говорил дед, в голосе его звякала смерть. – Идите... Ближе. Еще ближе.

Мальчик прижался к своей земле щекой.

– Осот! Ты слышишь? Они нелюди, все. И те, что внизу, и те, что сверху. У них нет корней – ни земных, ни небесных, они не растут – носятся по свету, как сброшенные листья, как пойманный ветром мусор. Преврати их в мусор!

– Да, дед, – беззвучно ответил мальчик.

– Встаем, – сказал мужчина. И они поднялись одновременно – все трое.

Всадники, ехавшие впереди, заметили их и вскинули луки. Двое или трое успели выпустить стрелы; они пролетели высоко над головами стоящих на холме мужчины, юноши и мальчика.

Никто из троих даже не шевельнулся.

Первыми упали кони, повалились, увлекая за собой всадников. Кто-то успел подняться, кто-то нет. Кто-то закричал – прошло мгновение, может быть, два; по рядам поверженной армии прокатился не то хрип, не то сдавленный стон. Заколебался под луной воздух, ставший вдруг очень жарким.

И снова сделалось тихо и неподвижно.

Под луной, устилая вытоптаные поля, мешками лежали пришельцы. Их дряблая кожа складками стекала к подбородкам, к огромным хрящеватым ушам. Ветер срывал с черепов седые волосы, подбрасывал к небу, и издали казалось, что на поле боя отцветают одуванчики.

Мальчик стоял, дыша ртом. Бесконечно дряхлые, седые лошади лежали вперемешку с людьми, одновременно умершими от старости. И странно выглядели рядом с этими немощными трупами их блестящие мечи, копья, их натянутые луки. Кольчуги своим весом проламывали истончившиеся грудные клетки, то там, то здесь слышался хруст...

– Уходим, – сказал мужчина. – И помни: тебя здесь не было, Осот.

* * *

Мы молчали. Покойник в провисшем гамаке отбрасывал множественную тень – по числу факелов.

Я мог оборвать это молчание прямо сейчас – вместе с нашими жизнями. Я медлил не потому, что боялся; дряхлый барон, жертва веснара, напомнил мне кошмары моего детства. Я не хотел отягощать свои небесные корни еще и этой смертью. Поэтому ждал, чтобы маг ударил первым.

Он был моих примерно лет. Поджарый. Черноволосый. Вероятно, очень могущественный – никогда раньше я не видел, чтобы на магическом йолльском кольце так горел и светился перламутр. Говорят, стальные кольца куют на далеком острове, а цветные пластинки для них поставляют морские нелюди, у которых нет ни глаз, ни рта...

– Зачем ты явился на мою землю? Что ты забыл в Цветущей, мясоед?

– Моя земля там, где утверждаю свой закон. Даже если ты убьешь меня, закон здесь останется йолльский, и ты ничего не можешь с этим сделать.

– На небесном поле, где прорастут мои корни, не действуют земные законы. А тебя – тебя не будет нигде, мясоед. Твоя дряхлая плоть удобрит поля Цветущей. Чем тебе поможет йолльский закон?

Маг ухмыльнулся. Он тоже не боялся смерти.

– Вспомни, – сказал я. – Здесь, поблизости, ходит еще один веснар, и ни ты, ни я не знаем, кто это.

Его ухмылка застыла на губах.

– Это он убил барона, – продолжал я. – И, вполне возможно, станет убивать еще. Что ему йолльский закон?

– Растения, – он облизнул губы. – Хищные твари, напоказ смирение, внутри – подлость. Убийцы невинных людей...

– Мясоеды – не люди. Как и те, кто вам служит – ваши рабы и пища.

– Это животные! Не рабы и не пища, это лошади, коровы, кролики, овцы, свиньи, ослы, собаки!

Я вдруг понял, что говорю с ним по-йолльски. На языке Цветущей до сих пор нет слов, чтобы обозначить все многообразие йолльской нелюди. И еще я понял – с удивлением, – что он тоже не хочет убивать первым. И что он вовсе не так спокоен, как полагается магу.

* * *

Те, кто впервые сошел на Цветущей с огромных кораблей под синими парусами, поначалу благодумствовали. Их мир был устроен по-другому: там сильный подминал слабого и, добившись покорности, делал его частью этого мира. Без излишней жестокости, без напрасных смертей: йолльцам нужны были не трупы, а подданные. Они любили своих лошадей и собак, берегли их и хлестали кнутом только в крайнем случае – понуждая к покорности. Они кормили своих кроликов, овец и коров, а потом, когда приходило время, резали их и съедали. Они занимались науками и искусствами, строили огромные корабли и отправлялись в плавание, и на каждом новом острове заново воссоздавали свой Йолль – таким, каким хотели его видеть.

Явившись на Цветущую, они поступили как всегда. Им казалось естественным, что жители острова, не знающие оружия, немедленно покорятся людям со стальными мечами и дальнобойными луками в руках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.